

СОДЕРЖАНИЕ

От авторов	6
Часть 1. «Все мы „оккупантами“ при советской власти работаем впервые»	
Назначить «оккупантом»	13
Немые управленцы	22
Подозрительный контингент	26
Чистка «неподходящих»	29
Часть 2. Русские и немцы: кризисы непонимания	
«Руки должны быть чистыми...»	40
«Говорят, что когда нет масла, то его забрала Красная армия...»	57
Территория врага, или Комплекс победителя	70
Об «истинной демократии» и «классовом подходе»	82
Советские лекала для немецкой жизни	90
Часть 3. Культ бдительности и ритуалы секретности	
«Затратная» секретность и дефицит бдительности	100
«Вы сказали слишком много!»	107
Придавленные секретностью	115
Часть 4. Практики конформизма и пространство свободы	
Умонастроения и мыслепреступления	121
Страсти по партийному билету	134
Марксистско-ленинская учеба: феномен идейного ускользания	143
Проект «Великий Сталин»	151
Воспитание преданности	159
Казус Кривопалова	168
Часть 5. Принуждение к добровольности: сваговцы и послевоенные займы	
«Перегибы», «инциденты» или тотальная практика?	177
Добровольный минимум или стремление к большему?	180
Запланированная добровольность	187
Экзамен на «сознательность»	191
Затаенные обиды	195
Часть 6. Жены, дети, любовницы: частная жизнь в немецком антураже	
В Германии нужно жить по-советски!	199
«Доламывать или чинить?»	209
Опасные связи, или Секс как государственная измена	214
«Чтобы не выросли немцами»	224
Часть 7. Метаморфозы потребления	
Жилище как трофей, или Железный занавес в квартирном вопросе	234
Как накормить сваговца?	242
Вещи: необходимость и мечта	248
Барахольство как дилемма	255
Вещевая «экспансия» в СССР	264
Сталинский человек на randevу с Европой. Вместо заключения	274
Именной указатель	284

ОТ АВТОРОВ

Советское оккупационное сообщество, возникшее волею судеб и по приказу начальства в самом центре разрушенной послевоенной Европы, — явление уникальное и невероятно интересное. Десятки тысяч простых советских людей вместе с чадами и домочадцами попали после войны на службу в Советскую военную администрацию в Германии (СВАГ), занялись делом, к которому их никогда не готовили, и увидели чужой мир, который никогда не ожидали увидеть. Возникший на оккупированной территории «маленький СССР» стал своеобразным социокультурным экспериментом, в ходе которого советский режим проявил себя, обнаружил свои ключевые черты и специфические особенности, продемонстрировал миру сформированные им разнообразные человеческие типы, способы действия и алгоритмы поведения. Сваговцы (читателю еще предстоит привыкнуть к этому неологизму), вернувшись на родину, многие десятилетия хранили в памяти историю своей немецкой жизни. Кое-кто из бывших руководителей СВАГ даже сумел поделиться своими воспоминаниями, пусть и написанными в духе мемуарного социалистического реализма. Но сама история Советской военной администрации на долгие десятилетия погрузилась в сумрак секретных архивохранилищ, куда без специального допуска было не попасть.

Теперь архивы в основном открыты. Историей Советской зоны оккупации и СВАГ занимались и занимаются десятки историков¹. Однако ни одной книги об уникальном социальном

¹ См., например: *Филипповых Д. Н.* Советская военная администрация в Германии: военно-политический аспект деятельности (1945–1949 гг.). М., 1995; *Семиряга М. И.* Как мы управляли Германией. М.: РОССПЭН, 1995; *Naimark N.* The Russians in Germany. A History of the Soviet Zone of Occupation, 1945–1949. Harvard University Press, 1997; *Foitzik J.* Sowjetische Militäradministration in

явлении — советском оккупационном сообществе — до сих пор не написано. Мало кто из авторов авторитетного «собрания сочинений» по истории советской оккупации проявил интерес к личности обычного сваговского чиновника, попытался набросать его коллективный портрет. Не занимая высоких постов, именно он (этот чиновник) в силу своего разума (или неразумия) исполнял (или не исполнял) приказы руководства — управлял, как мог, оккупированной Германией. И нужно быть очень наивным, чтобы полагать: там, где в дело вступала большая политика, от личных и профессиональных качеств советского бюрократа, и не только его, но даже сержантов и солдат, служивших в военных комендатурах, мало что зависело. Лишь изучая влияние личности исполнителей, их *modus operandi* и *modus vivendi* на работу оккупационной власти, а в конечном счете на результаты большой политики Сталина в германском вопросе, можно объяснить ход и исход советизации, и в отдаленной перспективе — конечное фиаско советской политики в Восточной Германии.

Примем за очевидность суждение немецкого историка Э. Шерстяной о том, что документы из фондов СВАГ, как и другие архивные материалы советского происхождения, ни концептуально, ни эмпирически¹, а попросту говоря, никак не отразились в социальной и культурной истории советской зоны оккупации. Что же касается социальной истории СВАГ, то такой истории пока нет. Десятистраничная статья Эльке Шерстяной, содержащая, как она сама говорит, «некоторые мысли», которые в будущем могут пригодиться исследователям советского оккупационного сообщества, конечно, не заполняет пробела.

Deutschland (SMAD) 1945–1949. Struktur und Funktion // Quellen und Darstellungen zur Zeitgeschichte. Hg. vom Institut für Zeitgeschichte. Bd. 44. Akademie Verlag, 1999. Bd. 44; Фонды Советской военной администрации в Германии в Государственном архиве Российской Федерации: в 2 ч. М.: Новый хронограф, 2004; Советская военная администрация в Германии. 1945–1949: Справочник / Отв. ред. Я. Фойтцик, А. В. Доронин, Т. В. Царевская-Дякина; при участии: Х. Кюнцель, Д. Н. Нохотович. М.: РОССПЭН, 2009 и др.

¹ Scherstjanoi E. Besatzungsherrschaft als soziale Praxis. Quellen fuer sozial- und kulturgeschichtliche Zugaenge im SMAD-Bestand / Hrsg. D. Brunner, E. Scherstjanoi // Moskaus Spuren in Ostdeutschland. 1945–1949. Aktenerschliessung und Forschungsplaene/Zeitgeschichte im Gesprach. 2015. Bd. 22. S. 100.

Когда десять лет назад мы только приступали к архивным изысканиями по истории «маленького СССР», нам и в голову не могло прийти, что кто-то из историков может в пылу полемики превратить «длительную и кропотливую работу в архивах» в некий опровергающий аргумент, поскольку, де, «в архивных документах часто отражается не норма повседневности, а отклонение от нее»¹. Усомнившись в точности утверждений Шейлы Фитцпатрик о советском человеке 1930-х годов² (а это именно ей попало за «кропотливую работу в архивах»), ее оппонент решил не утруждать себя подробностями и доказательствами, а ограничился лишь иронической репликой. Нас, в общем-то, не смутил бы подобный полемический прием, если бы уважаемый автор не озадачил читателей заявлением о «норме повседневности», которую, как кажется, он не очень склонен искать в архивах. И где же тогда ее искать? Может быть, в «прецедентных текстах» эпохи сталинизма? К таким текстам философ и социолог Н. Козлова относила и малохудожественный соцреализм, и «Краткий курс истории ВКП(б)», и «Книгу о вкусной и здоровой пище»³. Они (эти тексты) показывают некие образцовые практики, другие берега советской жизни — совершенно чуждые повседневности, манящие обещанием грядущего счастья. А пока демонстрирующие нелепый шаблон правильной книжной жизни. И что же тогда остается делать историку? Отвлечься от живой реальности, в которой слишком много «отклонений», и, может быть, постараться их даже не замечать? Вернуться в парадный мир сталинской идеологии, ведь она тоже была частью повседневности? И с опаской приближаться к рассекреченным архивным документам, остерегаясь не тех открытий?

Мы, разумеется, не страдаем архивным фетишизмом и тем более не верим в «правду из сейфа», хотя наши основные источники более пятидесяти лет были скрыты в отделе специальных фондов Государственного архива Российской Федерации

¹ Сомов В. А. Советский человек как социокультурный тип в современном научном дискурсе // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 6–3. С. 118.

² Фитцпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2001.

³ Козлова Н. Советские люди. Сцены из истории. М.: Европа, 2006. С. 14.

(ГА РФ). В этой книге читатель встретится и с опубликованными мемуарами, и с дневниками участников и очевидцев событий, с нашими собственными семейными преданиями о жизни и работе родителей одного из авторов в аппарате Политсоветника СВАГ, с художественной литературой из разряда честного социалистического реализма, с пропагандистскими текстами сталинских времен и даже с некоторыми важными для понимания темы кинофильмами давно ушедшей эпохи. Но все самое важное, новое и интересное мы все-таки почерпнули в фондах Советской военной администрации, хранящихся в ГА РФ.

Документы СВАГ содержат в себе достаточно материала для изучения обыденных норм жизни советского оккупационного сообщества. Именно норм, а не отклонений. Ибо то, что мы считаем нормой, кардинально отличается от того, что считают нормой недовольные «отклонениями» авторы. Для нас норма — это не идеологически возвышенная картина действительности, а устоявшиеся тренды повседневности. Даже если властители СССР считали подобные тренды аномалиями, умели красиво писать о *своих* нормах в газетах и использовали власть для подкрепления *своих* пропагандистских мифов. Нормативные хотения власти тоже будут предметом нашей работы. Но в первую очередь мы попытаемся войти со всем «пестрым сором» оккупационной жизни в актуальную ныне дискуссию о «пропитанности» сталинского человека официальной идеологией и его дискурсивной несвободе¹.

Работая с архивными документами, мы познакомились со множеством интересных, ярких и своеобразных людей. Это и радеющий о пользе дела военный комендант района Пренцлау Н. И. Старосельский, чувствующий ответственность «перед историей за все дела, которые мы здесь делаем»². И энтузиасты, подобные Н. Ф. Пасхину, начальнику сельхозотдела Управления

¹ См., например: Бражникова Я. Г., Росляков А. Б., Логинов А. В. «Советский человек» по ту сторону «тоталитаризма». О конференции памяти Н. Н. Козловой (30 марта 2016 г.) // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2016. № 3. С. 149–152; Казанков А. И., Лейбович О. Л. Понять повседневность: эвристический потенциал концепции в исследованиях советской эпохи // Вестник Пермского университета. История. 2017. Вып. 3 (38). С. 82–88.

² ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 31. Л. 362 об.

СВА земли Саксония-Ангальт, владевшему несколькими языками и издавшему для пользы дела на свой страх и риск немецко-русский словарь «Сельское хозяйство и лесоводство»¹. Среди сваговцев были те, кто легко адаптировался к иноземной цивилизации, превращая погоню «за личной наживой в своеобразный фетиш»², и другие — как офицер Гнатюк, томившийся в Германии и настойчиво рвавшийся домой³. Мы сочувствовали не желавшему прощаться с армейской жизнью капитану Косыреву, которому, как он сам считал, вместо того чтобы командовать батальоном или даже полком, приходилось сидеть в дежурке и решать «разные вопросы». «Все требуют, кому не лень, — жаловался капитан, — а мне вся эта политика просто не лезет в голову»⁴. О нескольких годах жизни и работы этих и многих других сваговцев, откуда они суть пошли, как попали в военную администрацию, что думали о начальстве и немцах, как этими немцами управляли, какого образа действий предпочитали придерживаться, во что верили и в чем сомневались, мы попытаемся рассказать в этой книге.

В своей работе мы стремились к своего рода концептуальной и фактографической детализации позднего сталинизма. Прежде всего, речь идет о самой сущности этого явления. Считать ли подобное историческое «событие» продолжением некоей протяженной эпохи, прерванной войной, а после нее достигшей своей высшей, зрелой формы, или вслед за Джулианой Фюрст и ее соавторами отнести к нему как самодостаточному историческому феномену?⁵ Послевоенный период в СССР, как и в истории любой другой страны, выбирающейся из пепла и руин, закономерно ассоциируется с «возвращением к нормальности»⁶. Но в какой мере это «состоявшееся» после

¹ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 35. Л. 67–69, 73–74.

² ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 91. Л. 8.

³ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 22. Л. 81.

⁴ Там же. Д. 20. Л. 159.

⁵ «To look at late stalinism not as period of time, but as a phenomenon in its own right»: Late Stalinist Russia. Society Between Reconstruction and Reinvention / Ed. by J. Fürst. Routledge. London; N. Y., 2006. P. 16.

⁶ Содержательное рассмотрение этой проблемы см.: Dale R. Divided We Stand: Cities, Social Unity and Post-War Reconstruction in Soviet Russia, 1945–1953 // Contemporary European History. Cambridge University Press, 2015. Vol. 24, 4.

войны культурно-историческое событие было «простой» реставрацией довоенной сталинской системы, расшатанной, трансформированной и разбалансированной войной?¹ Ведь в Советском Союзе, как справедливо считает Роберт Дейл, окончание войны не столько принесло освобождение от обязательств и ограничений военного времени, сколько выдвинуло новые требования и цели — не демобилизация социальной жизни, а скорее ее ремобилизация. Война и миф, ею созданный, считает Дейл, позволили перезапустить советский проект, вдохнуть жизнь в официальную идеологию, предлагая новые возможности изменения общества².

Важно понять, в какой мере сваговский социум как слепок и модель большого СССР, переделанного сначала репрессиями, а потом войной, был (на низовом уровне) восприимчив к реставрационным усилиям власти и способен к перезапуску в инородной и чуждой для советского человека немецкой среде. «Маленький СССР», возникший на немецкой территории, продуцировал такие формы нормальности, в рамках которых незаметно вызревали культурные предпосылки оттепельного конфликта между будущими сталинистами и будущими шестидесятниками. Ведь протагонисты оттепели и ее будущие антагонисты вышли «из одной шинели» — эпохи позднего сталинизма. Историки давно заметили возникшее во время войны и сохранявшееся какое-то время после ее окончания чувство раскрепощения у поколения победителей. Но они до сих пор в поиске определений этого феномена. Говорят о деидеологизации, стихийной десталинизации, даже о «неодекабризме».

Мы не склонны втягиваться в этот спор определений. Но считаем возможным провести «полевое» исследование послевоенных культурных трансформаций советского оккупационного сообщества в Германии. Для этого, как нам кажется, уместно опираться на определения, которые придумала сама власть,

Р. 493–516. См. также: *Fitzpatrick Sh. Postwar Soviet Society: The Return to Normalcy, 1945–1953 // The Impact of World War II on the Soviet Union. Totowa, NJ: Rowman & Allanheld, 1985.*

¹ *Filtzer D. Soviet Workers and Late Stalinism: Labour and the Restoration of the Stalinist System After World War II. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.*

² *Dale R. Divided We Stand. P. 494.*

а она назвала (обозвала) новые явления, обратив на них острие критики и репрессий, «преклонением перед заграницей» и «космополитизмом». Историкам остается *«только»* увидеть ту непридуманную реальность, которая скрывалась за злобными инвективами партийной пропаганды. Наш главный вопрос: в какой мере сотрудники СВАГ чувствовали личную несвободу, существуя в репрессивном идеологическом поле, насколько они были скованы или раскованы, когда им приходилось думать «не вслух» или высказываться в формальной и неформальной обстановке? Поместив сталинского человека в необычные для него условия, история не только раскрыла новые грани советской повседневности, но в известном смысле создала своеобразную оккупационную субкультуру, которую бывшие сваговцы по частям вывозили в СССР вместе с немецкими трофеями.